



Марат Винский

Улыбка мертвеца

18+

Марат Винский

Улыбка мертвеца

<https://litres.ru/74307922>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ о штурме одной украинской деревни, ранении, раненых, откате на основе собственного опыта участия в одной операции. Это просто попытка осмыслить, что со мной произошло там. Самое страшное не в натуралистичности того что было. Мне кажется, страшнее, как я на это среагировал. Без истерики, сильного страха. Все описанное при всем своем кажущемся ужасе показалось обыденным и вовсе не таким страшным изнутри, как это выглядит снаружи. Получилось сумбурно. Это лишь попытка. И на книгу я, наверное, не способен. Здесь буду размещать фрагменты. Просто чтобы было, чтобы кто-то прочел.

Марат Винский

Улыбка мертвеца

Глава 1

Сто секунд одиночества или улыбка мертвеца

- Забудь обо всем и живи дальше, - сказала бабушка с семечками.

- А зачем тогда все это было нужно? Если забудешь, тогда оно все повторится с кем-нибудь еще, - ответил он ей.

- Так оно так и эдак повторится, а забудешь, будет проще жить.

- А проще – неинтересно и никому не нужно.

(Из неопубликованного романа)

Наша штурмовая пятерка только что высадилась из багги километрах в трех от точки. Растянувшись примерно на сто метров, мы молча шли, изредка предупреждая жестом о «колокольчиках» – так мы называли неразорвавшиеся боеприпасы кассетных бомб. Наступишь – оторвет ступню. В юности я гонялся на велосипеде и мне показалось забавным, что абсолютно также гонщики при езде в группе показывают на неровности, едущим позади.

Мы шли не по дороге, а чуть поодаль - вдоль жидкой наполовину выжженной и раскуроченной взрывами лесополки. Кругом поля, дачи, а вдоль проселочных дорог и вокруг полей реденькие посадки. Унылый для сибиряка, выросшего рядом с горной саянской тайгой, пейзаж. Это уныние было уже нашим, хотя этот факт отнюдь не гарантировал безопасности - сюда пока еще свободно долетала баба-яга и дроны-камикадзе. Кроме того, постоянно долбила артиллерия и минометы. А потому плестись по открытке было опасно.

Впереди перед деревушкой, куда мы направлялись, нас ждал пристрелянный перекресток, который обкладывали «кассетами» при каждом замеченном движении. Для пехотинца «кассета» - один из самых неприятных боеприпасов – он покрывает сразу большую площадь и на открытке от него прост не укрыться. Мы экономили силы, потому что придется бежать со всей дури в броне около 200 метров, а это то еще удовольствие. А если ты еще увешанный «морковками» гранатометчик или пулеметчик с коробами, то вдвойне. Я был обычным стрелком, но мой рюкзак полностью забит эфками (гранаты Ф-1), а потому бег меня абсолютно не радовал.

В рацию «зашипел» командир: «В первый дом слева после перекрестка не заходить». Это значило, что спринтовать нам придется уже более 200 метров, да еще и бегать в поисках

подходящего для укрытия дома по этой треклятой деревне.

Уже потом мы выяснили, что «слева» сидела такая же пятерка, шедшая впереди нас. Их обложили минами, кого-то легко ранили. У старшего началась паника и вся группа впадала в ступор – они сидели в четырех стенах и не могли двигаться ни вперед, ни назад. Командир решил - чтобы мы не «заразились», встречаться нам не нужно.

«Сейчас понесемся», - с тоской подумал я, когда перекресток появился в прямой видимости. Бегать я очень не любил, хотя и был быстрее некоторых.

- Братко, а братко, попить оставь, - донеслось вдруг из широченной бетонной трубы, проложенной под шоссе для оттока воды с полей.

Из сырой темноты на нас смотрели три пары глаз, было видно, что позади прячется кто-то еще. Аза, хитрый и почти всегда веселый сержант, ответил: «Самим не хватает, братки». Мы прошли мимо. Глаза проводили нас молча.

Аза пояснил – это раненые, которые самостоятельно добираются до наших. А воды мы им не дали, потому что с этим делом там, куда мы идем, очень туго. Самим нужнее. Даже если в деревне есть колодец над ним обязательно висит

«мавик» со сбросом, а пить из местных ручьев, в которых через раз валяются трупы, не очень хорошо для здоровья.

Тот перекресток мы успешно миновали – кассеты легли после нас примерно минут через пять. Может, противник прозевал или решил работать по кому-то другому? Еще ночь наша группа скрывалась от дронов в подвалах деревенских домов, а наутро, когда яга уже отлетала, а камикадзе еще не «проснулись», двинулась в ту лесополку – нам нужно было дойти до точки, где уже сидели наши. А после еще до одной, где сидели уже они. Чтобы попасть туда, нужно было перебежать поле и далее километр двигаться по кустам.

Здесь совсем недавно были позиции противника – ямы и норы, вырытые на скорую руку. Входы были закрыты черным полиэтиленом. Как только мы зашли в эту лесополку, появились дроны. Много дронов. Они жужжали по обеим сторонам реденьких кустов и деревьев, выискивая, в кого бы ударить.

Вот один засек нас с Азой. Он выписывал круги над нами. Мы пытались укрыться за стволом дерева. Понятное дело, что полностью нас это бы не защитило – осколками бы посекло, но хотя бы что-то. Дрон улетел. Мы пошли дальше.

Впрочем, шли недолго. Опять дроны. Группа рассыпалась. Я спрятался в небольшом углублении, оставленном их

пехотой. Предполагалось, что это окоп для стрельбы с колена. От дрона не защитит, а скорее даже станет ловушкой. Но тут есть черный полиэтилен, да и ветки кустов, которые тут еще не были выкорчеваны взрывами, должны запутать беспилотник. Я накрылся этой черной материей с головой – возможно, оператор и не увидит меня.

Так я сидел с минуту и вдруг явственно услышал жужжание прямо перед своим носом. Так мне в тот момент казалось. Дрон летал не над деревьями, как обычно, а в самой чаще кустов. Нужно быть очень умелым пилотом, чтобы завести эту игрушку в такой лабиринт. Казалось, маленькая машинка зависла и смотрит на меня – ну, конечно, смотрит оператор.

Я не видел дрон, только слышал, но пошевелиться не мог, ведь это значит выдать себя.

Внезапно осознал, что кончики берцев торчат из-под моей черной «мантии»: «Что же он тогда не атакует. Не видит? Как все удачно для похоронной команды – я уже почти в полиэтиленовом мешке. Э-э-э, какой же я дурак, ведь при попадании полиэтилен продырявит, а может, и разорвет на кусочки. А если не видит, то чего тогда висит? Господи, какая чушь лезет в голову».

Дрон вскоре улетел. Но выбираться из своего хлипкого

укрытия я не спешил, а вдруг он на высоте или просто сел рядом и при малейшем движении взорвется. Тем не менее, двигаться надо. Рывком скинув накидку я вынырнул из окопа и побежал дальше.

Уже потом я прочитал «Сто лет одиночества» Маркеса. Там был момент, когда Хосе Аркадио II скрывается от солдат в комнате Мелькиадеса, дверь открывает офицер, светит фонарем на него в упор и никого не видит. У меня вышло почти также как у героя этого романа – просто вместо человека на меня «смотрел» дрон. И не видел. Мои сто секунд одиночества. Хотя почему сто? Я и не считал. Возможно, это длилось и дольше, а, может, всего секунду.

Потом был бой, ранение, откат. Эвакуации в ближайшие дни не предполагалось, потому что наша группа зашла слишком далеко – здесь постоянно долбили. Мы видели, как их танк выруливает на бугорок в поле, делает выстрел и спокойно откатывается назад. Наши танкисты отвечали ему откуда-то из глубины деревни. У них была дуэль. Вообще, танковый выстрел в отличие от пушечного довольно внушителен – ты не слышишь выхода и прилета. Тут все сразу. Кто-то объяснял мне, почему так, но я как человек в физике ничего не смыслящий, позабыл. В общем, в этой ситуации любой свободно едущий по дороге транспорт был лакомой целью. Так что никакой эвакуации.

Я сидел в домике на окраине деревни с нашими снайперами, РЭБовцами и штурмовиками. Во мне уже было шесть осколков в ногах, маленькое отверстие в легком. При каждом выдохе из этого отверстия раздавался свист и кровавые пузыри. Потом отверстие заклеили окклюзионным пластырем и свист прекратился. Медик, а точнее, санинструктор, который каким-то чудом забрел сюда, сказал, что мне нужно поскорее в госпиталь, иначе край из-за пневмоторакса. Я что-то слышал на занятиях по такмеду про это – в плевральную полость набирается воздух и легкое буквально суживается. Из-за перебитого нерва также не слушалась левая рука.

Мы, раненые, сидели-лежали в маленькой комнатке. Рядом со мной с боку на бок ворочался наш пулеметчик - пуля или осколок попали ему прямо под нос, разорвав губу и раздробив зубы и челюсти. У него постоянно шла горлом кровь – весь пол рядом со мной был залит алой жижей. Мы гадали, долго ли он протянет – казалось, крови так много, что он должен был уже умереть. Как глубоко ранение мы не знали, потому что медик уже ушел к другим подразделениям. Чтобы напоить его, мы нашли шариковую ручку, разобрали ее – набирали в нее воду и поили пулеметчика. Потом нашли шприц и поили из него. Есть он естественно не мог.

Еще помню молодого пацана с позывным Лебедь. Оскол-

ки попали ему в пятки. Вроде бы, не серьезное ранение, но передвигаться самостоятельно он не мог.

А после, когда остатки нашей и других групп откатились из той полки, израненные и уставшие, в наш домик прилетела противотанковая ракета. Сначала я думал, что это пальнул танк. Кирпичная стена коттеджа, обращенная к противнику, казалось пошатнулась. Снаряд залетел на второй этаж и там стена действительно обрушилась, придавив нескольких человек. Тут же началась стрельба. Вероятно, кто-то заметил их расчет ПТУРа и теперь хотел достать.

Мы с товарищей со странным позывным Дюма (с ударением на первом слоге) мигом вылетели на улицу. Я на своих негнущихся ногах тут же почти плашмя свалился на груды кирпичей – остатки какого-то строения, разрушенного ранее. Мы побежали. Хотя мое передвижение вряд ли можно назвать бегом – это была скорее быстрая ходьба на ходулях, как шутил потом Дюма.

Была уже почти ночь, начался массированный артобстрел. Мы перебегали от дома к дому. Периодически некоторые домики превращались в ничто – пушки били прицельно. Казалось, что они охотятся именно за нашей двойкой, хотя, конечно, это было не так.

Тактика противника не менялась. Обстрел, потом дроны, которые проверяли территорию и добивали. Мы бежали уже

в то время, когда летает баба-яга, а потому прислушивались к каждому гулу. Мне постоянно казалось, что что-то летает у меня над головой, но Дюма меня успокаивал. Сказывалась контузия – я толком ничего и не слышал.

И вот мы уже бежим через тот злополучный перекресток, где еще несколько дней назад нам обкладывали кассетами.

- Финн, быстрее, ускорься, - орет Дюма.

Я что-то бормочу в ответ. Повязка отклеилась от спины, но свист и шипение от пробитого легкого уже не слышен и сливается с сиплыми вздохами и выдохами. Вот тут только я понял, что такое глотать воздух. Мы бежим. Дюма меня не бросает. Вот жидкая лесополка. Опять это жужжание. Чертов дрон. Опять. Как же они достали доели.

- Сюда, - Дюма ныряет под сгоревшую «бэу».

Я не успеваю и просто встаю за толстое дерево. «Птица» пролетает мимо.

Бежим дальше. Гул. Ныряем в трубу под дорогой. Вот ведь насмешка судьбы – всего несколько дней назад тут сидели эти самые с глазами, которые просили пить. Дрон нас заметил. Он начинает кружить – залетает с одной стороны, с другой. Очень хочется спрятаться за Дюму, когда птица оказывается с твоей стороны.

Мы на карачках ползем по трубе и тут я понимаю, что по-

до мной вовсе не бетон, а что-то мягкое и временами влажное. Понимаю, это тела. Возможно, тела тех самых, что пролили кровь. А мы не дали. Но угрызений совести нет. Они мертвы, а мы живы. Пока. Ну а к близкому присутствию мертвецов нам не привыкать.

Предлагаю: «Дюма, давай тело посадим на входе с той и другой стороны, чтобы этот сюда не залетел».

«Сейчас улетит. Последний рывок остался», - рассудительно говорит мой напарник.

Мы покинули трубу. На выходе я очень близко столкнулся с чьей-то головой. Мертвец улыбался. Вообще, все мертвецы так или иначе улыбаются. Скалятся. Иногда страшно, а иногда вполне мирно.